



АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 94(47).043

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-1-80-87

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВРЕМЕН ИВАНА ГРОЗНОГО О СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЕ СЕМЕЙ РАТНЫХ ЛЮДЕЙ

LEGAL SYSTEM OF THE TIMES OF IVAN THE TERRIBLE ON THE SOCIAL PROTECTION OF SERVICE PEOPLE'S FAMILIES

Т.М. Пенская, В.С. Кулабухов
T.M. Penskaya, V.S. Kulabuhov

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, г. Белгород ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015 Russia

E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

Аннотация

В своей статье автор анализирует особенности складывания социального законодательства в России в эпоху Ивана Грозного на примере нескольких казусов из повседневной административной практики 50-х – 60-х гг. XVI в. Автор связывает выработку мер по созданию социального законодательства с «царским дискурсом». Этот «дискурс» вырабатывался церковью и включал в себя среди прочих тезисов и идею о долге царя по защите вдов и сирот. Автор приходит к выводу, что хотя до наших дней и не дошли конкретные законодательные акты по данной проблеме, тем не менее существование соответствующего царского приговора более чем вероятно. Данный приговор, узаконивший и развивший формировавшуюся ранее традицию, активно использовался приказными чинами при разрешении вопросов социального обеспечения защиты семей погибших и умерших на царской службе служилых людей.

Abstract

In this article the author analyzes the particular qualities of the formation of social law system in Russia in the era of Ivan the Terrible on the example of several incidents from everyday administrative practice of the 50s – 60 s of XVI century. The author connects the development of measures to create social law system with the «royal discourse». This «discourse» was developed by the church and included the idea of the king's duty to protect widows and orphans among other things. The author comes to the conclusion that although specific laws on this issue have not reached our days, the existence of a corresponding royal sentence is more than likely. This verdict, which legitimized and developed the tradition that had been formed earlier, was actively used by the commanders in resolving issues of social security for the protection of the families of those service people who fell and died in the royal service.

Ключевые слова Раннее Новое время, Россия, Иван Грозный, Стоглавый собор, дворянство, социальная защита, семья

Keywords Early Modern, Russia, Ivan the Terrible, Стоглавый a cathedral, nobility, social protection, a family.

Американская исследовательница Н. Коллманн в одной из своих последних работ, характеризуя особенности устройства раннемодерных государств, отмечала, в частности, что «во всех подобных государствах легитимность (верховой власти – Т.П.) основывалась не только на упорядоченном применении насилия, но и на том, что государство в большей или меньшей степени отвечало представлениям, согласно которым правитель должен прислушиваться к своим подданным, хранить традицию и обеспечивать безопасность в обществе». И, развивая свою мысль дальше, она указывала, что в России как типичном раннемодерном государстве «каким бы могущественным ни считался царь, законность его власти зиждилась на представлениях народа о его благочестии, справедливости, милости к бедным и умении слышать свой народ» [Коллманн, 2016].

Благочестие, справедливость и милость к бедным (в самом широком смысле этого слова – к малым сим) – вот, пожалуй, едва ли не самые важные составляющие «царского дискурса», прочно утвердившегося в сознании русского общества того времени. Соблюдение этих требований гарантировало (в известной степени) лояльность подданных к монарху и достижение им своих политических целей как внутри, так и за пределами страны. Значение же «мнения народного», без поддержки которого устойчивость политического режима стремилась к минимуму, подметил еще А.С. Пушкин в своей гениальной драме Борис Годунов: «Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов? Не войском, нет, не польскою помощью, А мнением; да! Мнением народным...». Ну а что ожидало государя, если он оказывался несоответствующим ожиданиям общества, «земли» – об этом могли рассказать Федор Годунов, Лжедмитрий I и Василий Шуйский.

Составной частью «милости к бедным со стороны государя являлись определенные гарантии того, что сегодня назвали бы «гарантиями социальной защиты» семьям служилых людей, сложивших свои головы на государевой службе. Для верховной власти это было тем более важно, если принять во внимание то обстоятельство, что, как писал В.О. Ключевский, «много веков дворянство несло на себе тяжесть военной службы, защищая отечество от внешних врагов, образуя главную вооруженную силу государства» [Ключевский, 1989]. Хорошо вооруженное, образующее сплоченные корпорации-«города» и осознающее свою значимость и свой практический интерес, будущее благородное дворянство представляло собой серьезную политическую силу, не считаться с мнением которой верховная власть не могла, тем более в XVI в., когда с ростом численности «служилого чина» его благосостояние падало и поддержка со стороны государства для него становилась все более и более необходимой [Об объективных процессах «измельчания» служилого чина и его «охудения» см., например: Чернов, 1998, с. 319–320, 321, 322].

Проливая свою кровь на государевой службе, служилые люди полагали вправе требовать и государевого жалования, и государевой милости к себе и к своим близким. И когда в 1541 г. бояре от имени юного Ивана IV обращаясь к ратным людям, вставшим на Оке для противостояния нашествию крымского «царя» Сахиб-Гирея I, говорили, чтобы они «за православное христианство крепко пострадали, а розни межъ ими не было, послужили бы великому князю все заодин, поберегли бы того накрепко, чтобы царю берега не дати, чтобы, дал Бог, царь за реку не перелез», и если «перелезет царь за реку, и вы бы за святые церкви и за христианство крепко пострадали, с царем дело делали, сколько вам Бог поможет, а **яз не токмо вас рад жаловати, но и детей ваших; а которого вас Бог возмет, и аз того велю в книги животныя написати, а жены и дети жаловати** (выделено нами – Т.П.)...» [Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью, 2000, с. 106], то они не кривили душой и отнюдь не обещали неисполнимого. Судя по всему, к тому времени уже была наработана определенная практика оказания государевой «милости». Любопытная история (с продолжением) случилась, к примеру, в 1540 г. Вдова суздальского сына боярского Бориса Алалыкина, погибшего в бою с казанцами «у Пятницы на Солдоге», била челом Ивану IV с просьбою дать ей «грамоту жалованную полетнюю» с тем, чтобы платить ей долги покойного супруга «в ыстую плату без росту» (а долги, надо сказать, у покойного накопились немалые – согласно челобитной, долгу то-



го осталось «сто рублей денег с росты», и выплачивать такую сумму вдове было не под силу) [Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века, 1997, с. 11].

Ответ великого князя был таков – 15 мая того же года он велел своим казначеям Ивану Третьякову и Михайле Головину выдать вдове искомую «полетную грамоту от должников на пять лет – платити им (т. е. семейству Алалыкиных – **В.П.**) в ту пять лет своим должникам в ыстую уплату без росту». Больше того, спустя месяц, 14 июня 1540 г., Иван выдал свою жалованную данную и несудимую грамоту «Темиру да Ондрейцу да Иванку Борисовым детям Алалыкина» на поместье их отца в Суздальском уезде «со всем по тому, что как было за отцом их, и что к тому сельцу и деревням и к починкам изстари потягло» [Там же, с. 11–12]. Любопытный факт – эта история имела продолжение. В 1572 г. Темир Алалыкин, храбрствуя на поле битвы при Молодях, взял в плен Дивей-мурзу, «царскую думу» и правую руку Девлет-Гирея, чем в немалой степени способствовал победе русского войска над татарским в этой решающей битве войны двух царей, русского и татарского.

Однако, судя по всему, в какие-либо конкретные законодательные формы эта традиция к середине XVI в. еще не вылилась. Вообще, при анализе русской законодательной практики эпохи раннего Нового времени складывается впечатление, что в ней продолжали превалировать неформальные отношения, не формальный и сухой «закон» в его римском значении, но некая «правда», основанная на свойственном для обычного права понятии справедливости. Естественно, что разрушить такое понимание «закона» одномоментно и заменить его на другое, сугубо формальное и сухое было невозможно, однако привести его в некие более или менее упорядоченные рамки было возможно. И, осознанно это сделано было или нет, на уровне интуиции в поисках некоего «общего блага» (как полагал М.М. Кром [Кром, 2006, с. 292–293]), но, похоже, что «правительство» молодого Ивана IV, предпринимая масштабные «реформы» в конце 40-х – 50-х гг. XVI в., (более известные как т. н. «реформы Избранной рады»), попробовало это сделать. Коснулась эта «регламентация» и столь значимой темы, как социальная защита семей служилых людей «по отечеству».

Готовясь к участию в работе церковного собора (который вошел позднее в историю под названием «Стоглавого»), молодой Иван IV, изрядно впечатленный событиями лета 1547 г. в Москве (когда он воочию увидел, к чему может привести пренебрежение «мнением народным» и уклонение от своего царского долга оказывать «милость малым сим»), вместе со своими советниками (надо полагать, что к этому приложили свою руку митрополит Макарий и приставленный им к Ивану протопоп Сильвестр) подготовил список «царских вопросов» к участникам собора.

Среди этих вопросов были и те, что напрямую касались проблемы социальной защиты семей детей боярских, павших на государевой службе. Основной вопрос звучал следующим образом: «Которые дети боярские на службах побиты или где ни померли, и о тех поместьях жены и дети волочатца, а слуг и в то место нет, а дьяк умрет или приказной человек, а поместье за ним или за детми, а слуг нету; и дадут поместье на прожиток молодой боярыне, и она замуж не идет для и на грех дерзнет за молодость, а службы нет».

Ответ на него, по мнению молодого царя, должен был выглядеть так – во-первых, если «боярыня вдова молода, ино сыну боярскому на ней жениться, а служба служить с того поместья, а детей кормити и дочери замуж давати, а сынове взростут, ино им придача, посмотри по человеку». Во-вторых, если «боярыня стара, а дочь невеста, ино боярской сын на дочери женитца и с поместья служит и тещу кормит». В-третьих, если «будет боярыня стара, а дети и внучата малы, и доколе растут, а за них служит племянник или брат по их совету, – поместьем владеет, а их кормит, ино вселды служебные люди полны, а вдовы з детми не погибнут, по двором волочась, а государю докуки от них нет». И, наконец, если «боярыня бездетна и племянника добраго нет, кому с того поместья служить, а ее кормить, и такая пустотная боярыня старая устроити в монастырь, а поместье на государя, а не похочет в монастырь, ино земли уделити, как мощно сытой быть» [Жданов, 1904, с. 184].

Обращение к членам Освященного собора с этим вопросом было отнюдь не случайным. Церковь играла важнейшую, если не определяющую, роль в утверждении «царского дискурса» и его основных положений. И мотив обязанности великого князя защищать малых сих от не только самоуправства и злоупотреблений сильных мира сего, но и беречь их как часть стада Христова, врученного Господом великому князю как православному государю четко и недвусмысленно просматривается в русской церковной книжности начиная с эпохи Средневековья. Еще в конце XIII в. тверской епископ Симеон в своем «Наказании» поучал полоцкого князя Константина Безрукого: «Аже будет князь добр, богобоин, жалуеть людей, правду любить, – исбираеть тиуна или коего волостеля – мужа добра и богобоина, страха божия полна, разумна, праведна, по закону божию все творяща, и суд ведуща. И князь в рай, и тивун в рай». Однако, развивал далее свой тезис епископ, если будет «князь без божии страха, христьян не жалуеть, сирот не милуеть, и вдовицами не печалуеть, – поставляет тивуна или коего волостеля – человека зла, бога не боящася и закона божия не ведуще, и суда не разумеюще, толико того деля, абы князю товара добывал, а людей не щадить». И если князь потакает такому злему тиуну-мздоимцу и лиходею, то он губит и волость, и людей, следовательно, завершал свою мысль Симеон, «князь во ад и тиун с нимь во ад!» [Семена епископа тферьскаго наказание, 1969, с. 376]. О пастырских обязанностях великого князя и его обязанности защищать «малых сих» писали и архиепископ Вассиан Ивану III в памятном 1480 г. [Вологодско-Пермская летопись, 2006], и Иосиф Волоцкий [Иосиф Волоцкий, 2007], и старец Филофей, обращаясь к Василию III [Филофей, 1998], и Максим Грек в послании юному Ивану IV [Инока Максима Грека послание к благоверному царю и великому князю Иоанну Васильевичу всеа Руси, 1860]. Одним словом, эта идея являлась одной из важнейших и неотъемлемых составляющих образа идеального православного государя. Между тем не считаться с мнением церкви было нельзя, ибо она была весьма и весьма влиятельной силой – и не только в экономическом и идеологическом плане, но, как следствие, и в политическом уже хотя бы потому, что она могла дать власти ту недостающую часть легитимности, содержащуюся внутри «царского дискурса» и которую невозможно было заполучить обычными способами.

Теперь вполне закономерно возникает вопрос – каким образом был разрешен вопрос, заданный царем? В самом тексте Стоглава никаких указаний на это нет. Правда, по предположению исследовавшего историю Стоглава И.Н. Жданова, отнюдь не исключено, что в материалах собора некие ответы, данные участниками этого собрания на этот и другие подобного рода «мирские» царские вопросы, были [Жданов, 1904]. Никак не отражен он и в том же царском Судебнике 1550 г. (как и в Судебнике 1589 г.). Впрочем, если принять во внимание процессуальную направленность судебного Ивана IV, сложно было бы в нем ожидать увидеть статьи, касающиеся специфических вопросов гражданского права. Но тогда, быть может, проблему можно разрешить, если обратиться к материалам текущего законодательства и к судебной практике, благо она была регламентирована тем же Судебником 1550 г.?

Да, действительно, при обращении к немногим сохранившимся до наших дней актам можно сказать, что означенная в царском вопросе к участникам собора процедура получила свое отражение. Так, 10 июня 1560 г. царские дьяки Шепель Овинов и Иван Матвеев выдали княгине Аксинье Белосельской ввозную грамоту. Этой грамотой предписывалось крестьянам деревень Тесенки и Вострой Луки Бельского погоста Шелонской пятины «Васюку Маркову, Иванку Грибову, Косте Михееву, Ондрейку Зехнову, Захарку Гридину, Устинку Мартемьянову, Огафонку Ондрееву да безпашенному бобылю Степанку Левонтьеву» и «Офоноску Иванову да Иванку Иванову» «приходить» к Аксинье, «слушать» ее «во всем и доход бы есте ей денежной и хлебной и мелкой доход «давать княгине «по старине, как есте давали прежним помещикам».

Всего по грамоте княгине выделялось поместной земли 5 обож с оговоркой, что это поместье дается ей «в прожиток». А причина, по которой княгиня получила небольшое поместье «в прожиток», заключалась в том, что ее муж, князь Семейка Андреев сын Бело-



сельский, был убит осенью 1559 г. «на государеве службе в ливонских немцах» (его имя, кстати, было внесено в синодик «убиенных во брани» [См.: Выдержка из синодика Архангельского Кремлевского собора, 2011, с. 187]). Тогда, нарушив перемирие, орденский ландмаршал Ф. фон Белль дважды разбил новгородских воевод, которые потеряли при этом убитыми без малого сотню детей боярских [См.: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью, 2000, с. 238], и теперь, заботясь о вдове служилого человека, отдавшего свою жизнь на царской службе, Иван Грозный наказал своим дьякам выделить вдове небольшое поместье из тех земель, «что были в поместье за князем Васильем Белоселским, а после были за его внуком за Семейкою за княж Ондреевым сыном Белоселского» [Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века, 2008, с. 31].

Эта история имела свое продолжение. Годом позже брат покойного Семена Белосельского Леонтий получил в поместье во все том же Бельском погосте Шелонской пятины «село и деревни и починки в поместье за дедом его за князем Васильем за Белоселским». При этом в выписи из писцовой книги было указано, что поместная дача Леонтию отнюдь не полна, «а по государевой грамоте велено Леонтию ждати поместья под снохою своею под Оксиньей под Семейкиной женою Белоселского, как сноха его замуж пойдет или пострижетца или ее не станет» [Там же, с. 32]. Примечательно, но в этой выписи указывалось, что Леонтий Белосельский с данной ему земли должно было не только «царя и великого князя служба служити сполна», но еще и «деда своего князь Василия и сестру свою Огрофену Игнатъеву дочь Голощапова с того ж поместья кормити, докуды сестру свою замуж выдаст» [Там же, с. 32].

Но и это еще не все. По всей видимости, Леонтию Белосельскому надоело ждать, пока его сноха или замуж выйдет, или в монастырь уйдет, и попробовал оттягать у нее если не все, то хотя бы часть ее «прожиточного» поместья. Надо сказать, что в этом деле он преуспел – ему удалось добиться, чтобы из доли Аксиньи Белосельской ему выделили 26 четвертей земли. Однако 40 четвертей земли вдове Семена Белосельского все равно оставили, и в выписи из писцовой книги, датированной 5 июля 1568 г. (!) было указано, что князьям Леонтию и Постнику Белосельским, между которыми было разделено «прожиточное» поместье Аксиньи, той землей «не владети и пашни на собя не похати и со крестьян оброку не имати» до тех пор, «покаместа вдова Оксинья на том своем поместье поживет» [Там же, с. 32–33].

Схожим образом решалась и проблема обеспечения «прожитка» и для детей служилых людей. Приведем характерный пример из повседневной практики московской бюрократической машины. В начале 1566 г. Ивану Грозному была челом Аксинья Нелединская, вдова сына боярского Степана Нелединского, который умер на государевой службе в Полоцке в предыдущем году (тогда в Полоцке был сильный мор, от которого умерло немало людей и понес большие потери гарнизон города [См., например: Псковская 3-я летопись, 2000, с. 248]). В своей челобитной вдова писала, что после смерти ее мужа «остался сын ево Евсигнеец, году, да девка Анница», и пожаловал бы государь «сына ее Евсегнейца, а ныне он году, а как будет Евсегнеец в пятнадцать лет, и он с того поместья станет нашу службу служить и ее мать свою Оксиньцу и сестру свою кормить, а вскормив, сестру свою Анницу и замуж выдать, и долг своего отца платить» [Акты служилых землевладельцев, 1997, с. 155].

Челобитная вдовы была удовлетворена, и делу был дан ход. Прежде всего подьячие сверились с бумагами – как служил покойный Степан Нелединский. Выяснилось, что служил он исправно, «лета 7072-го августа в 16 день на Холму у смотру Степан на коне в доспехе и в шеломе, людей ево три человека на конех, два с доспехех, третей в тегиле в толстом, и в шапках в железных, конь прост, два человека на меринах в кошу», и это при том, что по писцовым книгам у Степана земли было «девьяноста три чети, сена восьмьдесят семь копен с полукопню», т. е. сын боярский выставил против царского уложения о службе ратных людей (со ста четвертей доброй угожей земли полностью экипированный всадник) втрое больше ратников, чем полагалось. Рвение Степана было оценено, и 20 марта 1566 г. вдова получила на своего сына Евстигнея ввозную грамоту, в которой предписывалось крестьянам, что жили в деревнях Ясенецкой волости Бежецкого Верха, числившихся за покой-

ным Степаном Нелединским, «Евсегнейца Нелединского слушали, пашню на него пахали и оброк ему помещиков платили, доколе за ним то поместье писцы наши или болшие мерщички опишут и измереют и учинят за ним пашни по нашему указу». И быть по сему до тех пор, говорилось в грамоте, пока не исполнится евстигнею 15 лет, после чего ему «с того поместья наша служба служить и мать своя вдова Оксиньца и сестру свою Анницу кормить, а вскормив, сестру свою и замуж выдать за служиваго отца своего в версту отечеством и службою, и долг отца своего платить» [Там же, с. 155]. Стоит обратить внимание на любопытный пассаж в грамоте – Евстигней должен был выдать замуж свою сестру не иначе, как за достойного человека, не уступающего Степану Нелединскому в «отечестве» и в «службе», а также и на то, что Аксинье и Евстигнею была дана отсрочка по платежу по долгам Степана Нелединского до совершеннолетия нового владельца поместья.

Выделением «прожиточного» поместья вдове сына боярского или же передачей отцовской земли его сыну с условием несения им отцовской службы после достижения 15-летнего возраста не ограничивались меры социальной защиты семей служилых людей. Сын боярский, отправляясь на государеву службу, мог надеяться на царское правосудие и на то, что его семья не будет «волочитца» промеж дворов, обиженная родственниками. Характерный пример из документов новгородской приказной избы 50-х гг. XVI в. 3 октября 1555 г. от царского имени дьяк Василий Степанов отписывал в Новгород к тамошним дьякам Федору Сыркову и Казарину Дубровскому, требуя разобраться с челобитной некоего Неклюдки, «человека» сына боярского Тихомира Пушкина. В своей челобитной, писал дьяк, Неклюдко утверждал, что его господин, Тихомир Пушкин, погиб при взятии Казани осенью 1552 г. (кстати, имя Тихомира Юрьева сына Пушкина было занесено в синодик по «убиенным во брани» [См.: Выдержка из синодика Успенского Кремлевского собора. Памятники истории русского служилого сословия, 2011, с. 184]), а после него остались его вдова, Федора, да сын Тимошка, пяти лет от роду. После же смерти Тихомира его братья, Степан и Андрей, продолжал Неклюд, «его Тимошку и с матерью их отца его с Тихомировы выги поместья выбили вон, и поместьем отца его выгью владеют, и доход всякой емлют на себя». И, писал дальше дьяк, Неклюд бил челом государю, чтобы тот пожаловал бы Тимофея отцовским поместьем, чтобы «он с того поместья мать свою Федору кормит до ее живота, а как в нашу службу поспеет, и он с того поместья служит» [Дополнения к актам историческим, 1846, с. 94]. Челобитье Неклюда, продолжал дьяк, было удовлетворено, а потому Федор Сырков и Казарин Дубровский должны, «оже будет так, как нам в Тимошкино место Тихомирова человек его Неклюдко бил челом», рассудить Тимошку с его дядьями, «обыском обыскали, и управу им учинили безволокитно». Вернув же Тимофею отцовское поместье, по достижению оным пятнадцати лет дьяки должны были верстать его в службу, «велели написать в служебные книги, и нашу бы есте ему службу велели служить с ноугородскими помещики». Если же спор за землю между Тимошкой и его дядьями продолжится, передавал царское слово Василий Степанов, то они бы, новгородские дьяки, учинили бы тяжущимся управу, «а в чем будет вам управы им учинить немочно», то прислали бы дьяки «суда своего и их суда и всяких сысков списки, и обоих исцов за поруками» к самому государю, и он бы учинил бы по тому делу свой государев указ [Там же, с. 94–95].

Три приведенных примера из повседневной административной приказной практики показывают, что хотя до наших дней и не сохранились царские указы или приговоры, касающиеся вопросов социальной защиты и обеспечения «прожитка» семей умерших на государевой службе детей боярских, тем не менее царский вопрос, адресованный членам Стоглавого собора, нашел свое отражение в конкретных решениях конкретных случаев из реальной жизни. Следовательно, соответствующая юридическая норма и порядок разрешения проблемы были де-факто законодательно (пусть и через прецедент) закреплены. Более того, можно предположить по аналогии с царским приговором о службе или порядке местничества (соответствующие вопросы содержались в том списке, который был озвучен на Стоглавом соборе), что существовал подобный приговор, регламентировавший порядок разрешения казусов, схожих с теми, что были озвучены в том самом вопросе.



Список литературы
References

1. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. 1997. Т. I. М., Археографический центр. 432.
Akty' sluzhily'x zemlevladel'cev XV – nachala XVII veka. 1997. T. I. M., Arheograficheskij centr. 432. (in Russian)
2. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. 2008. Т. IV. М., Древлехранилище. 632.
Akty' sluzhily'x zemlevladel'cev XV – nachala XVII veka. 2008. T. IV. M., Drevlexranilishhe. 632. (in Russian)
3. Вологодско-Пермская летопись. ПСРЛ. Т. XXVI. 2006. М., Рукописные памятники Древней Руси, 432.
Vologodsko-Permskaya letopis'. PSRL. T. XXVI. 2006. M., Rukopisny'e pamyatniki Drevnej Rusi, 432. (in Russian)
4. Выдержка из синодика Архангельского Кремлевского собора. Памятники истории русского служилого сословия. 2011. М., Древлехранилище: 185–188.
Vy'derzhka iz sinodika Arxangel'skogo Kremlevskogo sobora. Pamyatniki istorii russkogo sluzhilogo sosloviya. 2011. M., Drevlexranilishhe: 185–188. (in Russian)
5. Выдержка из синодика Успенского Кремлевского собора. Памятники истории русского служилого сословия. 2011. М.: Древлехранилище: 171–185.
Vy'derzhka iz sinodika Uspenskogo Kremlevskogo sobora. Pamyatniki istorii russkogo sluzhilogo sosloviya. 2011. M., Drevlexranilishhe: 171–185. (in Russian)
6. Иосиф Волоцкий. Первое послание князю Юрию Ивановичу. Преподобный Иосиф Волоцкий. Послания. 2007. СПб., Аксион эстин: 232–235.
Iosif Voloczkiy. Pervoe poslanie knyazyu Yuriyu Ivanovichu. Prepodobny'j Iosif Voloczkiy. Poslaniya. 2007. SPb., Aksion e'stin: 232–235. (in Russian)
7. Инока Максима Грека послание к благоверному царю и великому князю Иоанну Васильевичу всеа Руси. Грек Максим. Сочинения. Т. 2. 1860. Казань, Казанская духовная академия: 346–357.
Inoka Maksima Greka poslanie k blagovernomu czaryu i velikomu knyazyu Ioannu Vasil'evichu vsea Rusii. Grek Maksim. Sochineniya. T. 2. 1860. Kazan', Kazanskaya duchovnaya akademiya: 346–357. (in Russian)
8. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. 1846. СПб., Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 438.
Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobranny'e i izdanny'e Arheograficheskoyu kommissieyu. T. I. 1846. SPb., Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj E.I.V. Kancelyarii, 438. (in Russian)
9. Жданов И.Н. 1904. Материалы к истории Стоглавого Собора. Жданов И.Н. Сочинения. Т. I. СПб., Типография императорской Академии наук: 171–277.
Zhdanov I.N. 1904. Materialy' k istorii Stoglavogo Sobora // Zhdanov I.N. Sochineniya. T. I. SPb., Tipografiya imperatorskoj Akademii nauk: 171–277. (in Russian)
10. Коллманн Н. 2016. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М., Новое литературное обозрение. 616.
Kollmann N. 2016. Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni. M., Novoe literaturnoe obozrenie. 616.
11. Ключевский В.О. 1989. Сочинения в девяти томах. Т. IX. М., Мысль. 525.
Klyuchevskij V.O. 1989. Sochineniya v devyati tomah. T. IX. M., My'sl'. 525. (in Russian)
12. Кром М.М. 2006. К пониманию московской «политики» XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии. Одиссей. Человек в истории. Время и пространство праздника. 2005. М., Наука: 283–303.
Krom M.M. 2006. K ponimaniyu moskovskoj «politiki» XVI v.: diskurs i praktika rossijskoj pozdnesrednevekovoj monarxii. Odissej. Chelovek v istorii. Vremya i prostranstvo prazdnika. 2005. M., Nauka: 283–303. (in Russian)
13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. ПСРЛ. Т. XIII. 2000. М., Языки русской культуры, 544.
Letopisny'j sbornik, imenuemy'j Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'yu. PSRL. T. XIII. 2000. M., Yazyki russkoj kul'tury', 544. (in Russian)

14. Псковская 3-я летопись. ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. 2000. М., Языки русской культуры, 368.
Pskovskaya 3-ya letopis'. PSRL. T. V. Vy'p. 2. 2000. M., Yazy'ki russkoj kul'tury', 368. (in Russian)
15. Семена епископа тферьскаго наказание. Изборник. Сборник произведений литературы Древней Руси. 1969. М.: Художественная литература: 376–379.
Semena episkopa tfer'skago nakazanie. Izbornik. Sbornik proizvedenij literatury' Drevnej Rusi. 1969. M.: Xudozhestvennaya literature: 376–379. (in Russian)
16. Филофей. Послание московскому великому князю Василию Ивановичу о «Третьем Риме», обязанностях правителя, обряде крестного знамения. Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). 1998. М., Индрик: 358–360.
Filofej. Poslanie moskovskomu velikomu knyazyu Vasiliyu Ivanovichu o «Tret'em Rime», obyazannostyax pravatelya, obryade krestnogo znameniya. Sinicyna N.V. Tretij Rim. Istoki i e'volyuciya russkoj srednevekovoj koncepcii (XV–XVI vv.). 1998. M.: Indrik: 358–360. (in Russian)
17. Чернов С.З. 1998. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., Институт археологии РАН. 544.
18. Chernov S.Z. 1998. Voloк Lamskij v XIV – pervoj polovine XVI v. Struktury' zemlevladieniya i formirovanie voenno-sluzhiloj korporacii. M., Institut arxeologii RAN. 544. (in Russian)